

Почему Олег

13.11.94

ОЛЕГ ПОПЦОВ

С председателем Всероссийской государственной телерадиокомпании Олегом Попцовым беседует корреспондент «МН» Марина Подзорова.

Олег Попцов называет себя «профессиональным политиком». Если предположить, что такая профессия существует, то принадлежность к ней, наверное, на самом деле не определяется членством в парламенте или постом партийного лидера. Скорее всего, это погруженность в политические глубины в той максимальной степени, которой Попцову, безусловно, не занимать.

МН: Вы председатель государственной телерадиокомпании. С одной стороны, информация, безупречность которой обычно прямо пропорциональна репутации компании. С другой — ставшее притчей во языцех окружение президента, которое, считается, на эту безупречность постоянно покушается, а президента дезинформирует...

— Боюсь, в мире нет государства, где были бы довольны президентским окружением. Не составляли исключение и Рузвельт, и де Голль. Что же касается подачи информации президенту теми, кому это вменено в обязанность, или теми, кто это право прибрал к рукам, то ведь они не говорят: «Борис Николаевич, мы хотим вам устроить информационную блокаду. Вы не возражаете?» Это делается иначе. Человек кладет на стол президенту бумагу: «Мы хотели бы вас проинформировать...» И нормальный человек, будь то президент, премьер, полагает, что к той информации, которой он уже обладает, прибавляется еще одна, а значит, его информированность удваивается. Оказывается, нет. Эта информация проходит как бы под грифом «Никакой другой не верьте!»

МН: Значит, президент обречен на неадекватную информацию?

— В каких-то вопросах — да, неизбежно. Это азбука политической борьбы. Сначала борются за пост президента, затем за влияние на человека, который на этом посту оказался. И только от его индивидуальных качеств зависит, насколько он устойчив к посягательствам на его сознание, волю, образ мыслей.

МН: Лично вам удавалось повлиять на мнение президента в тех или иных ситуациях?

— Не знаю. Хочется верить, что да. У президента есть хорошее качество: он внимательно слушает. Другой вопрос — на каком этапе реализуется то, что он считает полезным... Во всяком случае, когда я чувствую необходимость высказать свой взгляд на те или иные проблемы, я делаю это во время встреч с президентом. Но я никогда не втягивал его в обсуждение сиюминутных проблем телевидения. Неразумно приходить к президенту с желанием что-то урвать, получить. Я понимаю, что выгляжу полунормальным, утверждая подобное. Это, если хотите, принцип — не люблю режима наибольшего благоприятствования.

МН: Почему?

— Все истинное создается через сопротивление. Но и другая противоположность малоприятна, когда вам заведомо попросту вредят, пакостят. Формула отношений предельно проста: не можете помочь — не мешайте. В 1990 году, когда создавалась наша телекомпания, я поставил условие: не берусь возглавлять карманное радио и телевидение. Для этого лучше найти другого председателя. Президент сказал: ни в коем случае. Мы как бы договорились. В тот момент, я думаю, мы были едины в своих помыслах.

Николай ГАЛКИН

“...Быть человеком команды, но не свиты...”

МН: Вы хотите сказать, что президент стал другим?

— Другими становятся все. Это нормально. Совсем недавно президент еще раз подтвердил, что он против карманного телевидения, но с другой стороны, и это тоже понятно, он с обидой воспринимает, когда говорят о его просчетах. По мере удаления от 1990 года все реже слышишь саморекламные заявления о членстве в президентской команде. Хотя доточные корреспонденты этот вопрос задают. Вообще-то состав команды определяет лидер. Все остальное — самозванство.

МН: А вы?

— Возможно, я повторяюсь, но другого сказать не сумею. Я человек команды, но не свиты.

МН: Кажется, у вас есть склонность к пышным формулировкам...

— Какая уж тут пышность — «не быть человеком свиты»? Это философия.

МН: Многие беды вашего конкурента — телекомпани «Останкино» — часто объясняли тем, что ее руководители назначались не профессионалы-телевизионщики. Нынешнее председательское место — насколько вам кажется оно вашим?

— Это хороший и точный вопрос... Как известно, мы начали телекомпанию с нуля. Это дело уже как бы приросло к моей коже. Что же касается обвинений в непрофессионализме... Телевидение и радио — государство с закрытыми границами, особый амбициозный мир, который создает некий вольер: чужаков не пускать. А как результат — натуральное вырождение. Поэтому один из неписаных законов любого театра, а телевидение — это театр, только театр синтеза, — постоянное вливание «свежей крови». Я ведь не с лесосплава пришел. Двадцать пять лет редакторской, журналистской, писательской работы чего-то стоят.

МН: Вы по-прежнему сталкиваетесь с нажимом?

— Приказов, конечно, я не получаю. Но когда руководитель депутатской фракции говорит мне, что его не любит некий ведущий, потому что «не так» улыбается при упоминании его имени, я чувствую, как у этого депу-

тата накапливается неприязнь к РТР. Когда член правительства упрекает меня за то, что сюжеты с его участием специально ставятся в конец программы и даются в пересказе, я понимаю, какова степень мнительности и подозрительности в коридорах власти. Мне приходится наблюдать, как высокие чиновники смотрят «Вести»: «Во дает! Какая стерва! Укусила все-таки. Одна чернуха идет, одна чернуха!»

МН: Год назад в одном из интервью вы делились печальными соображениями о том, что от вас хотят избавиться. Говорят, не так давно в президентских структурах опять начались разговоры о вашей отставке.

— Верно, только тогда этого добивался Верховный Совет. Затем, в октябре 1993-го, я был снят указом «самодеятельного президента» Руцкого и вместо меня был назначен Югин. Я об этом узнал в прокуратуре, так что у меня есть опыт. Что же касается слухов об отставке Попцова, которые ходят в президентских структурах, я отношусь к ним спокойно. И знаете почему? Сказать, что я бездельник, невозможно, что мы развалили компанию — глупо, мы ее построили, что я непрофессионален, бездарен — сомнительно, корыстен и меркантилен — абсурдно. Значит, причина в другом. Неудобен, слишком самостоятелен, мешает. Но это уже политика.

МН: С чем связаны эти слухи?

— Думаю, с тем, что президент критиковал Попцова на последней встрече с главными редакторами. И началось: если критиковал, значит — кто-то за этим стоит, доклад был подготовлен, значит, есть силы, которые хотели бы

подать президенту Попцова в соответствующем свете, а точнее, убрать его. А Попцов, видите ли, пытался президенту какие-то вещи объяснить. Дальше включается механизм придумывания. Разумеется, я знаю людей, которые разыгрывают эту карту. Доказывать подобным людям свою лояльность я считаю ниже своего достоинства.

МН: У вас была, вероятно, возможность найти себе место в коридорах власти. Почему вы ее не использовали?

— Ну почему... Вот посижу, подумаю и выдвину себя в президенты. Сейчас это модно. Падать, так с горячего коня. А если серьезно — это противоречит моей внутренней органике. Я плохо воспринимаю слово «подчиненный». Я не разделяю работу на черную и белую. Если надо, становишься у факса и отправляешь его сам — неважно, референт ты или председатель.

МН: Похоже, ни руководящая комсомольская работа, ни депутатское кресло не уничтожили в вас романтика...

— Никакой я не романтик. Просто рассказываю, как я работаю. Хотя, может быть... Положительных эмоций мало, остаются идеалы.

МН: Вы как-то говорили о том, что сейчас образовался целый лагерь «обиженных властью президента» и вам бы хотелось об этом написать...

— Да. Болдырев, Явлинский, Станкевич, Бурбулис, Полторанин, Федоров, Старовойтова, а рядом Скоков, Хижа. Можно продолжать... Теперь еще и Шохин. Философия обиды, обида как мировоззрение — разве это не интересно?

МН: Она вам знакома?

— И да, и нет. Когда происходят какие-то досадные события, я, конечно, делаю вид: ерунда, наплевать. И это не маска, просто психологический тренинг. Конечно, я переживаю. Но всегда стараюсь убедить себя в одном. Ну, скажем, те же слухи об отставке — это нормально, значит, ты становишься моментом этого «нормально».

А тут еще эта изнуряющая необходимость тратить энергию на отслеживание угроз, которые наваливаются то одним боком, то другим, дышат тебе то в затылок, то в ухо. Угроза давления, угроза вмешательства, угроза безденежья, которое сразу парализует работу компании...

МН: Вы любите подчеркивать, что никогда «не скреблись у высочайшей двери» и придворные игры не для вас. Однако хотите вы того или нет, вы этим живете. Философу и практику трудно договориться между собой?

— Да не живу я этим... И потом, рядом со мной существуют коллеги, мои друзья, мои близкие. Я могу пребывать в своем философском мире, но на них его нормы не распространяются. Они живут в мире быденном — переживают, принимают все близко к сердцу. Президент как-то сказал, что вся его семья крайне политизирована — они уже все его часть. Жена смотрит канал «Россия», зять — «Останкино». Потом все эти впечатления накладываются друг на друга, обсуждаются... Нормальная и очень человеческая ситуация. А чуть позже в аппарате уже не смотрят, а отсматривают, целые службы созданы. Выхватывают эпизоды, фразы, суммируют... Все это попадает в точку. Если бы я этого не понимал. Но мне хватает воображения представить, как это происходит, я ведь писатель.

МН: Писатель Попцов — это прошлое или настоящее?

— Обижаете, начальник. Я написал книгу, которая, надеюсь, будет издана. Это раздумья. Кстати, когда я ввязывался в политику, я сказал себе: если что, хоть книгу напишу. Я писал ее ночами в поездах, в самолетах, в гостиницах. Три года, которые мы прожили. То, что вокруг власти и внутри нее. Только конкретные факты и конкретные имена. Книга называется «В поисках брода через реку отчаяния»... Опять будете обвинять меня в красноречии? Но это не красноречие, это литература.

МН: Художественную прозу больше не будете писать?

— Почему же? И потом, проблема власти — предмет художественной литературы. Она меня очень занимает. Любовь, ненависть, власть, сокрушение власти — темы вечные.

Знаете, однажды я набросал сюжет повести, который назывался «Ночь». Он воплотился через два года — в ночь с 3 на 4 октября — один к одному. Я так расстроился — жизнь украла у меня сюжет. Я так его придумывал...

ДОСЬЕ «МН»

Родился в 1934 году в Ленинграде. По специальности — ученый-лесовод. Молодость связана с комсомолом: был секретарем Ленинградского обкома комсомола, по собственному определению — «очень неудобным». Затем работал в ЦК ВЛКСМ. Потом, казалось, ушел от политики и двадцать с лишним лет (1967 — 1990) был главным редактором журнала «Сельская молодежь». Писал романы — «Орфей не приносит счастья», «И власти плен...», «Еще не поздно» и др. В пору перестройки стал появляться на телевидении в популярном тогда «Взгляде», потом вместе с Юрием Черниченко создавал Крестьянскую партию и все-таки вернулся в политику: стал народным депутатом РСФСР. В 1990 году несколько месяцев работал заместителем главного редактора «Московских новостей» — до того, как возглавил Всероссийскую государственную телерадиокомпанию.